

**Казанский государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина**

На правах рукописи

ГАФУРОВА МАРГАРИТА ЮРЬЕВНА

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
ПРОЕКТИВНОСТИ ЯЗЫКА (В «ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ»
ИНДИВИДУАЛЬНЫМ, СОЦИАЛЬНЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ)**

09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук*

Казань – 2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии и культурологии
Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент Терещенко Н.А.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Тайсина Э.А.

кандидат философских наук,
доцент Галиева А.М.

Ведущая организация – Казанский государственный
технический университет
им. А.Н. Туполева

Защита состоится «25» сентября в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д.212.081.16 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 в
Казанском государственном университете.

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского
государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Гизатова Г.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

На протяжении XX в. проблематика, связанная с языком, занимала одно из ключевых мест в структуре философской мысли. Понятие «язык» в качестве основного использовали представители структурализма, герменевтики, экзистенциализма, аналитической философии и др. Параллельно с философией изучение языка шло в лингвистике, где был накоплен богатейший теоретический и эмпирический материал, в том числе касающийся исследований социальных аспектов языка.

В философии и науке важность исследования языка как социального феномена не вызывает сомнений – это «общее место». Однако констатация факта социальности языка редко дополняется последовательным и предметным анализом проблемы. Социальная природа языка, как правило, констатируется, но не раскрывается с содержательной стороны. Можно сказать, что пространство социально-философского анализа языка названо, но не структурировано.

Начиная с эпохи модерна социальные процессы все более субъективизируются. Субъективное становится полноправным фактором общественного развития, а пространство субъективного наиболее адекватно выражается именно в языке. Сам язык из «посредника» превращается в непосредственного «участника» формирования социальных форм. В качестве примера этого сложного процесса можно назвать развитие науки. Как известно, еще Энгельс назвал науку «действительной производительной силой», буквально включив ее в процесс производства. Но наука, будучи теоретической формой «снятия» и преобразования реальности, сегодня как никогда нуждается в прояснении, конкретизации и разработке нового понятийно-категориального аппарата, концептуальной базы, что невозможно без обращения к анализу механизмов функционирования не только языка науки, но и языка как такового. Язык становится не просто инструментом науки, а формой, пространством ее развертывания.

В условиях информационного общества все больше и больше проявляется амбивалентная (субъект-объектная) природа языка. Язык является основным средством фиксации и способом функционирования информации, что делает его формой (пространством, условием) протекания социальных процессов. Сегодня становится понятно, что язык – не абстрактная, внепространственная и вневременная форма, он развивается, становится вместе с человеческим обществом, демонстрирует свой социальный потенциал. Становится очевидным, что язык является средством решения конкретных социальных задач. Эта характеристика (способность) языка требует не просто констатации, но детального изучения.

Как средство решения социальных задач язык должен быть рассмотрен не с точки зрения его сущностных характеристик, а с точки зрения его социальной действенности – эффективности, перформативности, проективности. Необходимо рассмотреть, при помощи каких механизмов

язык может преобразовывать события в социальные события, а также то, как человек при помощи языка может менять, преобразовывать само социальное.

Мы вводим проблему языка в социально-философский дискурс через феномен проективности. Сама по себе проблема проективности в какой-то степени может быть названа традиционной для социальной философии, хотя в последнее время интерес к ней возрос. Бум проективности в ситуации постмодерна – это, по большому счету, отражение стремления «воскресить» целостность и автономность субъекта и целерациональный способ мышления, когда результаты действия (социального, культурного, ментального) могут быть заранее предопределены, спрогнозированы или хотя бы предвидены. Проблема проективности в какой-то мере отражает переходный характер самой эпохи постмодерна и, вполне возможно, через десять лет она перестанет быть актуальной, но сегодня с уверенностью можно сказать, что анализ проективных характеристик человеческой деятельности и социальных форм позволяет решать ряд как теоретических, так и практических социальных проблем.

Степень разработанности проблемы.

В филологии и философии объем литературы, так или иначе касающейся данной проблемы, огромен. Понимая невозможность охватить и осветить ее в полном объеме, мы попытались выявить наиболее яркие, симптоматичные фигуры с точки зрения нашей проблематики.

История лингвистических учений, которую мы анализировали на предмет выявления интуиций проективности языка, изложена в работах В.А. Звегинцева, И.П. Сусова, Р.А. Будагова, О.С. Ахмановой, О.В. Звегинцевой, О.В. Лещака. Конечно, в работах классиков языкознания, таких как Ф. де Соссюр или В. фон Гумбольдт, нет упоминаний о собственно «проективности» языка, но их работы стали основанием для всей лингвистической науки, а значит – основанием для нашей мысли. Важно, что уже в рамках лингвистики исследователи сталкивались с такими проявлениями языка, которые были определены в терминах, близких не только философии как таковой, но и ее социальному направлению. Особую роль в уяснении сходства (или различия) интерпретаций проблемы языка в истории философии и истории лингвистики для нас сыграла работа А.А. Аминовой и А.М. Галиевой, посвященная философии языка.

В истории философии основные интуиции языка можно найти в произведениях Платона и Аристотеля, Августина Блаженного, И. Канта, И.Г. Гердера. Исследования особенности понимания языка в мифологическом сознании мы нашли у В.Ф. Шеллинга, Я.Э. Голосовкера, А.Ф. Лосева. Обращение к работе А.Я. Гуревича позволило пролить свет на особенности соотношения языка и социального в Средние века.

Проблема социального как проекта Нового времени и роли языка в становлении этого проекта рассмотрена с опорой на философию Ж.-Ж. Руссо и историков А.Ю. Согомонова, П.Ю. Уварова. Понимание исторических

изменений социального, происходивших в период XVII-XIX вв., также рассмотрено с учетом работ Н.Е. Копосова и Ф.Р. Анкерсмита.

Понимание «языка как языка» и человека как проекта этого языка мы почерпнули в работах М. Хайдеггера и Ж.П. Сартра, а также ученых, посвятивших свои работы исследованию их философии: А.Н. Портнова, В.Н. Семенович и А.В. Михайлова. При изучении особенностей поэтического слова при понимании проективности языка мы опирались на работы Ф. Ницше, а в современной российской философии – на исследования В.В. Бибикина. Проблема молчания рассмотрена в работах С.В. Меликяна, М. Эпштейна и др. исследователей. «Изначальность языка», его укорененность в человеческой природе рассмотрены в трудах Ф. Энгельса и К. Маркса, Б.Ф. Поршнева и В.М. Вильчека, в работах классика советской психологии Л.С. Выготского.

Вопрос о соотношении абстрактного и конкретного, ставший базовым для рассмотрения индивидуализированных форм языка, изложен в работе Э.В. Ильенкова. Понятие «индивидуализация» мы почерпнули в статье Г. Риккерта. Разработке «концепта» и «концептуальности» посвящена книга Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Исследования проблемы языка в современной философии отражены в работах К. Леви-Стросса, Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Уорфа, Ж. Бодрийяра, И.П. Ильина, В.П. Руднева, С.А. Ушакина и др. Индивидуализированные формы языка мы рассматривали, опираясь на работы Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, П. Серио, Э. Бенвениста, У. Эко, Р. Рорти, а также на классические работы К. Маркса и А.А. Потебни. Безусловно, важными для нашего понимания проективности были идеи проекта, выдвинутые в работах Ю. Хабермаса, Ж.-Ф. Лиотара, З. Баумана и других представителей постмодернистской мысли.

Анализ феномена проективности дан в работах В.Г. Недорезова, В. Тодорова и др. исследователей. Анализ феномена проективности языка, его социальных аспектов основывается на работах М. Эпштейна и его коллег.

Объектом исследования является язык как социальный феномен, **предметом исследования** – проективность языка, представляющая собой имманентное свойство языка как социального феномена.

Цели и задачи исследования.

Основной целью является попытка анализа языка в рамках социально-философского дискурса через проблему проективности, а также описание языка как социального явления и проективности языка как его имманентного признака. В связи с этим нами были поставлены следующие задачи:

- провести анализ филологических и философских концепций для определения их специфики и точек пересечения в вопросе о феномене проективности языка;

- провести анализ проективности как социального феномена и рассмотреть возможность приложения его к исследованию языка;
- исследовать язык как пространство конституирования и конструирования социального через фиксацию в языке социальной проблемы и формирования социального события через языковое;
- изучить конкретные точки пересечения языка и социальной реальности и разработать (возможный) инструментарий работы с ними.

Методологическая основа работы.

Проблема методологии носит конкретно-исторический характер. Достаточно сложно, но тем не менее необходимо точно отдавать себе отчет в том, что сегодня философия разворачивается в ситуации постмодернистской культуры, в пространстве постмодернистской мысли. Это влечет за собой ряд следствий. В современных пост-не-классических условиях вопрос о методологии не может быть решен ни в рамках классической рациональности (применение единого, универсального метода), ни в рамках не-классической (применение совокупности методов, ряда философских практик), ни без их учета и реализации. Постмодернистская философия представляет собой снятие классического и неклассического типа рациональности в форме отрицания отрицания и их «возрождение», появление в пространстве философского дискурса в форме неоклассики, неорационализма, неоисторизма и т.д. Поэтому в качестве теоретической базы нами были использованы классическая диалектика и ее снятие в неклассической философии Маркса, метод восхождения от абстрактного к конкретному, неокантианские установки, структуралистские идеи, экзистенциальная установка Хайдеггера, пост-структуралистские установки.

Кроме того, обращение к постмодернистскому типу философствования обуславливает понимание того, что во многом методологические установки сами конституируют объект изучения. Поэтому на основе совокупности методов мы постарались выработать приемы, принципы, инструменты, позволившие анализировать язык как социальное явление, а проективность языка – как его имманентное свойство.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- в качестве атрибутивной характеристики языка определена проективность, которая выступает (языковым) способом освоения, конструирования и легитимации непредметных общественных форм и связей с помощью специфических языковых практик и процедур;
- установлено, что проективность позволяет языку в рамках социального действовать в качестве преобразовательной силы: в результате трансформации событий в языке они становятся социальными событиями. Языковые события, в свою очередь,

обретают способность самостоятельного воздействия на социальные реалии;

– выявлено, что язык является формой проектирования социального, выступая в качестве инструмента объективации несубстратных, непредметных форм общественных отношений, что позволяет выявить конкретные механизмы (процедуру, текст, нарратив, дискурс), в которых язык проявляет свою социальную и проективную сущность;

– обосновано использование категориальной пары «языковление/разъязыковление» для описания языка как социального феномена на основе введенного А.А. Потемной термина «языковление» и марксовых понятий «опредмечивание/распредмечивание», что позволило выявить механизмы отчуждения и его возможного преодоления в языковых практиках;

– обоснована возможность и необходимость использования для определения и означивания изучаемых феноменов не понятийных форм, а концептов. В данном контексте определены такие концепты как «проективность языка», «текст», «нарратив», «дискурс», «окончательный словарь», что в условиях кризиса понятийного (классического рационального) мышления позволило выработать теоретические формы анализа пространства действия языка как социального феномена.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) На базе тезиса о социальной природе языка сформулирована гипотеза об имманентности «проективности» языку как социальному феномену. В ходе исследования удалось показать, что проективность позволяет языку выступать в качестве феномена, оказывающего непосредственное влияние на формирование и протекание социальных процессов.

2) Для изучения конкретных проявлений (форм) языка был использован прием индивидуализации – метод выявления особенных, неповторимых черт феномена в его конкретно-исторических и культурных проявлениях. Выяснилось, что различные формы индивидуализации языка могут стать предметом исследования как функционирующие, исторически изменчивые формы. Через конкретность и историчность индивидуализированных форм языка стало возможным выявить конкретные и историчные формы социального, их атрибутивные характеристики. Таким образом, язык в исследовании выступает как пространство, связывающее индивидуальный, социальный и общественный уровни человеческого бытия. Показано, как язык позволяет человеку ориентироваться в мире общественного, вырабатывать отношение к нему, присваивать его и преобразовывать.

3) В ходе исследования пристальный интерес мы обратили к феномену молчания. С опорой на философию М. Хайдеггера, а также на исследования

А.Я. Гуревича и Ж. Бодрийяра было показано, что молчание может выступать не как оппозиция языка, а как «инобытие языка», как пространство, позволяющее преобразовывать язык, как симптом социального и способ его «диагностики».

Научно-практическая значимость диссертации заключается в конкретизации содержательной стороны утверждения о социальной природе языка и исследовании проективности языка как отражения этой социальной природы. Характер данного исследования позволяет использовать его для преподавания курсов «Философия языка», «Социальная философия», «Философия науки». Работа представляет интерес для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для расширения исследовательского поля социальной философии за счет выявления в нем феномена проективности языка.

Апробация результатов исследования.

Основные положения предлагаемой диссертационной работы изложены в статьях, опубликованных в сборниках «Научные исследования студентов экономического факультета» (Казань, 2004), «Новая экономика и хозяйственная система России: проблема трансформации в условиях глобализации» (Казань, 2006), «Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса)» (Казань, 2006), «Ученые записки Казанского государственного университета» (Казань, 2007, издание, рекомендованное ВАК РФ), а также в сборниках материалов итоговой конференции Республиканского конкурса научных работ среди студентов и аспирантов на соискание премии имени Н.И. Лобачевского (Казань, 2002), Всероссийской научной конференции «Перспективы развития современного общества» (Казань, 2003), XI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2004» (Москва, 2004), итоговой научной студенческой конференции (Казань, 2004), XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2005» (Москва, 2005), в материалах докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2008) и ряда межвузовских конференций.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, состоящих из восьми параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень проработанности проблемы, формулируются цели и задачи работы, определяются научная новизна, основные положения, выдвигаемые на защиту, раскрываются теоретико-методологическая основа и практическая значимость исследования.

В первой главе «**Социально-философский анализ языка: новый взгляд или возвращение к истокам?**» представлено введение в проблему проективности, дается определение основных понятий, а также обзор лингвистических и философских концепций, которые могут быть соотнесены с проблемой проективности. Основная задача главы – укоренить проблему проективности языка в социально-гуманитарном дискурсе.

Первый параграф «Введение в проблему: основные термины и принципы работы» представляет собой описание и обоснование круга рабочих понятий и методов исследования, используемых в данной работе. Прежде всего, нами рассматривается диалектика абстрактного и конкретного применительно к языковым феноменам. Подобный анализ языка позволяет сделать вывод о том, что формы абстрактного и конкретного в языке (так же, как в социуме и культуре) конкретно-историчны.

При изучении языка необходимо исходить из него как из целого. Однако это можно сделать, только уделив особое внимание конкретным, «симптоматическим» проявлениям языка, в которых с особой ясностью видны специфические черты «языка как языка». Для выявления этих специфических форм нами используется принцип индивидуализации. Г. Риккерт применял принцип индивидуализации для анализа своеобразных, особенных, уникальных феноменов культуры. Мы под индивидуализацией понимаем философско-теоретическую процедуру выявления специфики феномена, определения его особых, специфических сторон, обнаружение его отличия от всех других феноменов. Применение индивидуализации позволяет выявить конкретно-исторические формы языка, которые, несмотря на свою специфичность, неповторимость, тем не менее раскрывают язык как явление культуры, как основу социального, как всеобщее.

В качестве еще одного инструмента работы с феноменом языка и его социальными аспектами выступает концепт. В параграфе прослежено становление концепта как формы мышления, а также раскрыта та роль, которую концепт и концептуальность играют в современном знании (в частности, в современной философии). Концепт предстает как точка роста смысла, как инструмент поиска и раскрытия новых идей, создания нового прежде всего в научном и философском языке. Концепт представляет собой проект мысли, пространство порождения смыслового события, разворачивания проективных потенциалов языка.

В заключительной части параграфа рассмотрены собственно понятие проекта и концепт проективности. Понятие «проект» весьма многозначно, но в основном оно применяется в технико-технологических своих коннотациях. Нашей задачей было прояснить социально-гуманитарное понимание проекта

и вывести из него такое же «нетехнологическое» понимание феномена проективности. В любом случае, вне зависимости от того, в какой сфере используется понятие «проект», оно сохраняет свою направленность в будущее. В проекте происходит мягкое, ненасильственное закрепление будущих смыслов. Благодаря закреплённости в письменной форме, проект априори являет собой форму культурную. Но, несмотря на принципиальную повторимость, проект содержит инновационный аспект: он, как правило, предназначен для создания нового. В итоге проективность предстает перед нами как особая общественная практика планирования, как пред-положение, «забрасывание вперед», как процесс создания нового, представленного в образе объекта или состояния. Проективность обеспечивает также способность человека помыслить будущее и возможность выразить помысленное в форме, предполагающей определенную последовательность действий.

В широком смысле проективность можно понимать как практику создания нового в любой общественной сфере. Проективность рассматривается нами как универсальное общественное явление: на протяжении всей истории человечество стремится уменьшить долю непроектируемых событий и создавать новое более безболезненными для общества способами. Примером этого может выступать деконструкция Ж. Деррида, понимаемая как общекультурная практика. Деррида пишет, что культурные формы не могут быть отброшены, «уничтожены»: они должны быть «перегруппированы» на совершенно других основаниях.

В данном параграфе мы также выделяем два вида проективности: интрапроективность и экстрапроективность (по аналогии с интра- и экстралингвистикой), что позволяет глубже понять феномен проективности.

О проективности языка напрямую практически никто не писал. Исключение составляют авторы «Проективного философского словаря» (М.Н. Эпштейн, Г.Л. Тульчинский и их коллеги), однако упоминания о проявлениях этого феномена можно обнаружить в философии и лингвистике. Поэтому основная часть главы посвящена поискам «следов» проективности языка в лингвистическом и философском дискурсах. Во **втором параграфе** «Язык в «скобках» культуры. Обзор лингвистических учений» рассмотрено понимание языка в «скобках» мифологического, религиозного и научного сознания.

В мифологическом сознании язык воспринимается как целое, выступает в качестве синкретической среды, при помощи которой человек познает окружающий мир и самого себя. Слово в мифологическом сознании представляет собой реальную силу. Развитие мифологии, появление теогонии и возрастание роли поэтического слова в осмыслении бытия приводит к тому, что мифологические, стихийные силы осваиваются человеком, присваиваются, становятся соразмерными ему. В работах Платона и Аристотеля происходит осмысление языка уже с пред-научной точки зрения. Платон размышляет о происхождении языка и письменности, их культурных аспектах. Аристотеля язык интересует как пространство разворачивания

формальной логики (когда части речи совпадают или не совпадают с логическим членением языка и т.д.).

Центральный спор средневековой философии – спор об универсалиях, безусловно, теснейшим образом связан с языковой проблематикой. Разделение на божественный язык и язык человеческий, само обнаружение человека как «человека говорящего», обладающего «даром слова», осознание того, что слово имеет значение, безусловно, оставит след в понимании феномена языка.

Особенно важным периодом в развитии представлений о языке является Новое время. Наиболее серьезные сдвиги в этом направлении связаны с развитием науки. Наука фактически стала первой формой общественного сознания, актуализировавшей проблему языка. Именно наука столкнулась с необходимостью выработки особого категориального аппарата и навыка оперирования понятиями. Можно с уверенностью сказать, что Новое время породило специализированное учение о языке, которое начинало конституироваться в самостоятельную науку. Появление общих представлений о языке в духе научности совпадает с появлением самой науки о языке. Однако на первый план выдвигается уже не «человек говорящий», а «человек познающий». Язык начинает выступать не как сущностная форма, а как инструмент познания, преобразования реальности. Во многом такое понимание языка приводит к возникновению механистических, формальных концепций языка, в которых его социальный аспект игнорируется или даже отрицается. Универсальный субъект становящейся гносеологии (а-исторический индивид) должен был говорить на универсальном, прозрачном в своей истинности обозначения мира и не подверженном историческим изменениям языке.

Именно Новое время стало периодом накопления информационного «капитала» для дальнейшего разворачивания лингвистики как самостоятельной науки. Представления о языке значительно обогащаются за счет появления в круге науки новых, неизученных языков. Появляются предпосылки для сравнительного языкознания, а также идеи о том, что все национальные языки произошли от единого пра-языка, который может быть реконструирован и изучен.

XIX в. – «золотой век» классической лингвистики. После В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра резко возрастает количество лингвистических школ, а следовательно, взглядов на язык. Во всем многообразии концепций мы постарались отыскать идеи, созвучные теме нашего исследования.

В XX в. продолжается дифференциация лингвистического знания. Лингвистика взаимодействует с биологией, психологией, исторической наукой, социологией, математикой, логикой, кибернетикой, активно используя их методы в изучении языка. Однако в итоге языкознание возвращается к своим философским корням, в результате актуализируется понимание того, что изучение языка невозможно без взгляда на язык как целостное и социальное явление.

Таким образом, понимая язык как социальное явление, философия и филология во второй половине XX в. сделали шаг к тесному сотрудничеству. Поэтому маргинальность исследования языка, его обращенность к двум дискурсам в поисках точек их соприкосновения является неслучайным, отражает взаимное движение лингвистики и философии друг к другу.

В **третьем параграфе** «Проективность и социальность языка в диалектике языка метафизики, «подлинного языка» и молчания» рассматриваются истоки лингвистического поворота в современной философии. Вкратце суть этого процесса можно определить следующим образом: в XX в. в философии произошла вторая после Канта революция. Как в философии Канта в идее нетождественности мысли и мира онтология выворачивается в гносеологию («Мы оставим бытие и будем изучать то, как мы изучаем»), так в осознании несовпадения языка и мысли в не-классике происходит «поворот к языку» («Мы оставим то, как мы изучаем, и будем изучать то, при помощи чего мы изучаем»). Язык больше не воспринимается как «безмолвный посредник», а выступает как самостоятельная, однако тесно связанная с человеком и человеческим обществом реальность. Возникает панлингвистическая установка, когда все проявления человеческой жизни, культурные и социальные формы начинают восприниматься как собрание текстов или просто текст. Для прояснения панлингвистической установки мы обращаемся к понятиям «текст» и «нарратив», к различным формам проявления языка.

Однако в ходе исследования выясняется, что панлингвистическая позиция обнаруживает свою предельность и требует преодоления. Это преодоление происходит уже в философии М. Хайдеггера. Хайдеггер не только стремится выявить «болевые точки» языка метафизики, но и строит проект «подлинного языка», а также обращается к теме молчания как инобытия языка, как точки его роста и развертывания.

Проблеме молчания посвящена значительная часть третьего параграфа первой главы. Мы пришли к выводу, что в молчании, как и в языке, проявляет себя социальность. Молчание может быть рассмотрено как симптом проектирования новой формы социального (или культурного) или как симптом общественных противоречий – и шире – сломов форм социальности. Блестящая социальная характеристика молчания дана в двух рассматриваемых нами работах, очень непохожих друг на друга, посвященных совершенно разным историческим эпохам, но обнаруживших общее поле – поле умолкающего или отсутствующего слова. Это «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» А.Я. Гуревича и «В тени молчаливого большинства, или конец социального» Ж. Бодрийера. При сравнительном анализе этих работ получается, что молчание может выступать как пространство произрастания новой формы (как это было в случае со средневековым крестьянством, постепенно обретавшим свой голос в обществе, культуре и истории) и как симптом коллапса социальной формы, свидетельство ее предельности.

В заключительной части параграфа мы обращаемся к структуралистским и пост-структуралистским установкам. Структурализм важен для наших рассуждений, так как практически напрямую постулирует и развивает идею об изоморфизме языковых и общественных форм. В рамках нашего исследования эта тема предстает в большей степени как инструментальная, важная для дальнейшего изложения ряда проблем, но сама по себе она представляет большой исследовательский интерес.

В конечном итоге, несмотря на очевидное отличие стилей, времени и способов философствования, структуралисты приходят к тем же выводам, что и Хайдеггер: язык бытийственен. Всякий коммуникативный акт наполнен социально и исторически обусловленными кодами, зависит от них. Например, У. Эко отмечал тот факт, что рано или поздно науке придется задаваться вопросом о самом говорящем, а значит, актуализировать социальную составляющую. Исследователь писал о том, что язык нужно рассматривать не механистически, а воспринимать его творчески, мы бы сказали – проективно.

Во второй главе **«Проективность языка и горизонты новой (другой) социальности»** проективность языка раскрывается с содержательной стороны, наполняется социально-философским содержанием. Нами был проанализирован ряд конкретных форм языка, а также выявлены механизмы, позволяющие проследить становление (эволюцию) этих форм в пространстве социального (общественного).

В **первом параграфе**, «Язык как «круг» социальности», мы рассматриваем то, *как*, через какие механизмы язык связан с обществом, *что* позволяет языку действовать как преобразовательная сила. Конкретизируя эту проблему применительно к теме нашего исследования, мы сделали попытку на основе конкретно-исторических форм языка описать, как происходит трансформация языковых событий в социальные и наоборот.

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой ни один из процессов, происходящих в мире, не получит возможности стать *социальным событием*, пока не будет отражен в языке. В то же время нетождественность события языка и социального события образует пространство для реализации проективных аспектов как языка, так и социальной действительности. Таким образом, язык выступает не только и не столько как инструмент познания и преобразования мира, он выступает еще и как их условие. Опираясь на лингвистическую концепцию классика языкознания В. фон Гумбольдта, мы описываем язык как «энергию», направляющую формирование социального, как «круг социального», определяющий границы социальных форм, диапазон их изменения.

Язык образует вокруг человека некоторую сферу, внутри которой он может свободно ориентироваться, оперировать понятиями, но этой же сферой человеческое мышление отгораживается от мира – человек просто не может вырваться за пределы языка. Познание мира происходит на основе уже сложившейся, привычной, работающей, основанной на языке модели. Об этом свидетельствуют исследования А. Мартине, Э. Сепира и Б. Уорфа и др.

Однако в обществе может возникнуть ситуация, когда человеку необходимо выразить в языке не знание, а интуиции, догадки или даже незнание чего-либо. Для этого ему приходится преодолеть границы своего языка, переходить в другой язык, то есть реализовать языковую проективность.

И наоборот – изменения языка свидетельствуют о социальных процессах, становятся их симптомами. В качестве примера мы приводим ситуацию расширения круга профессионального языка на фоне резкого сокращения лексики, обозначающей родственные отношения, что свидетельствует о том, что человек в современном обществе скорее склонен идентифицировать себя со своей профессиональной принадлежностью, нежели с семейным положением.

Получается, что язык дает нам возможность «диагностировать» социальность в ее конкретно-исторической форме. В таком случае можно предположить, что когда-то мы располагаем представлением о развитых формах языка и социальных формах, то язык может быть мерилем становящейся социальности. Можно считать, что язык в пору становления человека играл ту же роль, что и сегодня, то есть косвенно или даже прямо влиял на формирование структур прото-социального, а в дальнейшем – общества как такового.

Л.С. Выготский писал, что внутреннее (психическое) когда-то было внешним (социальным). Именно потому, что язык выступает для человека в качестве внешней, объективной формы, на определенном этапе (согласно исследованиям Выготского) он начинает опережать развитие мышления, а также способствовать перестраиванию и переподчинению систем организма. Идеи Выготского на современном материале были развиты В.М. Вильчеком. Согласно концепции Вильчека, опирающейся на классическую позицию Ф. Энгельса, в онтогенезе язык выступает непосредственно как проективная форма, позволяющая человеку преодолеть кризис коммуникации со средой и с себе подобными. Таким образом, язык является формой становления человека – говорим ли мы о человеке как об индивидуе или о человечестве как роде.

Получается, своеобразная «закольцованная композиция»: конституированный культурой и социальностью язык конституирует человека, который (в том числе при помощи языка) конституирует новое общество (новую культуру и социальность).

Второй параграф, «Проективность языка в конституировании социального», посвящен рассмотрению непосредственно проблемы проективности языка. Рассмотренная ранее с точки зрения социально-гуманитарного дискурса в целом, проективность исследуется как характеристика языка, наполняется конкретным социально-философским содержанием.

Выявлено соотношение трех дополняющих друг друга форм создания нового: конструирование, моделирование и проектирование. Конструирование представляет собой воспроизводство или перекомпоновку готовых форм. Проектирование – процесс, деятельность, позволяющая

человеку выйти за рамки наличного, оно есть «забрасывание вперед», создание нового. Моделирование – срединное звено между проектированием и конструированием. В процессе моделирования осуществляется апробация конструкции или проекта, привнесение их на суд практики. Язык может быть назван «моделью мира» потому, что в языке конструирование и проектирование находятся в диалектической связи: язык предоставляет широкие возможности как для переосмысления наличных, так и для создания новых форм.

Конкретизируя утверждение о том, что язык выступает в качестве пространства преобразования событий и процессов, происходящих в мире, в социальные события, мы рассматриваем язык как уникальный инструмент работы с непредметными, несубстратными формами общественных отношений. Непредметные общественные формы (или их неосознанная предметность, что, конечно же, несколько другое, но сути механизма это особо не меняет) конструируются, легитимируются языком при помощи специальных процедур и практик.

Проективность языка осознавалась исследователями уже в Новое время. Среди этих исследователей: Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, а также Б. де Кондильяк, идеи которого опередили свое время и вполне созвучны современному философствованию по поводу языка. В рассуждениях Кондильяка мы выявили несколько принципиальных моментов: во-первых, признание объективности языковых форм, которые принимаются человеком некритично, то есть некоторую субъектность языка. Во-вторых, обнаружение способности (или возможности) человека все же встать в позицию субъекта по отношению к языку и влиять на его развитие.

Логика проективности языка в современных условиях трансформируется. Согласно исследованиям В. Тодорова, однозначная, узконаправленная, прогрессивная логика проекта модерна, его опора на язык как орудие власти сменяется ризомной, многонаправленной, вариативной логикой пост-проекта.

Но несмотря на все свои трансформации, в пост-не-классических условиях логика проекта, и в частности проективность языка, остается важным инструментом вос-создания общественных практик. Обзор работ, посвященных проективности, показывает, что проективные возможности языка активно используются в политическом дискурсе, науке, сфере образования. Например, не будучи собственно объектом изучения, проективность языка выступает в качестве инструмента, отправной точки исследований В.А. Подороги и его последователей, которые меняют форму письма, пишут философскую работу как «открытое произведение», *work in progress*.

В качестве предмета анализа проективность языка предстает в работах (и проектах) М. Эпштейна. В широком смысле Эпштейн пишет о том, что язык в современном обществе является пространством максимально экономной разработки разных проектов – и в том числе социальных проектов или проектов социального. Эпштейн приводит наглядные примеры того, что

слово, согласно практике проективности языка, есть дело, что слово обладает реальной силой. Но если в мифологическом мышлении слово выступало как стихийная сила, то в современном обществе слово – сила общественно-направленная, предназначенная для преобразования человеческого мышления, человеческой деятельности, отдельных социальных форм и общества в целом. Язык в его проективном аспекте может быть охарактеризован как сфера духовного производства, в которой вос-производится как сам язык, так человек и общество.

Однако язык предстает перед исследователем всегда в каком-то определенном качестве. Можно сказать, что исследователь при изучении языка всегда осуществляет процедуру индивидуализации, переходя от универсального к индивидуальному, вычлняя, выявляя те стороны феномена, которые актуальны для него. Обращаясь к индивидуализированным (редуцированным) формам языка, мы обнаруживаем колоссальный инструментальный потенциал, который иногда тем больше, чем конкретнее сама редуцированная форма.

В последних трех параграфах второй главы анализируются различные индивидуализированные формы языка, рассматриваются процедура (договор) как одна из наиболее ярко выраженных социальных языковых форм, дискурс как конкретно-историческая форма языка, а также предельно индивидуализированная, в буквальном смысле индивидуальная форма языка в дискурсе Жака Деррида.

Третий параграф, «Процедура и проект социального», посвящен конкретно-исторической форме языковой практики, возникшей в Новое время наряду со становлением социальности, – процедуре «общественного договора».

Новое время – эпоха, обнаружившая социальное как практическое и теоретическое пространство. Именно в Новое время социальное попало в фокус человеческой деятельности, в логику рационального выстраивания.

Среди первых диагностов новой формы социального был Ж.-Ж. Руссо. Теория общественного договора – одна из первых попыток анализа социального в ситуации, когда само его «обнаружение» требовало выработки конкретных механизмов действия в социальном и его изучения как целого. Интересно, что Руссо, обнаружив реальные механизмы становления и функционирования социального в своей исторической эпохе, помыслил их как всеобщие, универсальные, изначальные. Современные историки, А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров, обращаясь к данному историческому периоду и в том числе к философии Руссо, отмечают, что обнаружение социального стало отправной точкой для построения нового государства, новых форм социального, а также основой для пересмотра и даже «переписывания истории» с учетом социального аспекта.

В Новое время механизмом, непосредственно влияющим на построение и развитие социального в условиях религиозных конфликтов, отражавших, в сущности, глубокие социальные противоречия, служила языковая процедура – «общественный договор». Новое время в буквальном

смысле слова изобрело процедуру, которая не потеряла своей актуальности и в современном обществе. Процедура может быть определена как выработанная обществом технология формирования социального, своеобразный «рецепт» социального действия. Процедура фиксирует различия в форме структуры, она рациональна и описательна. Можно сказать, что процедура – рациональное, абстрактное, достаточно «пустое» (так как это форма) выражение структуры социального феномена как сознательного отношения человека к социальному (статусному) целому. Конституированная и развернутая в языке, процедура становится формой перманентного проектирования социального.

В Новое время не только было изобретено (спроектировано) «общество, которое постоянно договаривается»¹, но и была «схвачена», спроектирована универсальная дискурсивная форма для построения общественных, культурных связей и отношений, которая работает и в современном нам обществе. Несмотря на свою негласность и невербальность, общественный договор функционирует именно через языковые средства. Сам процесс «договаривания» – речевой. Социальность процедуры договора, а также ее явная языковая направленность, безусловно, необычайно актуальны для нашего исследования.

Четвертый параграф озаглавлен «Дискурс – репрезентация социальных границ проективности (социальная природа языка в движении «текст-нарратив-дискурс»)». Обращение к феноменам «текста», «нарратива» и «дискурса» связано с необходимостью поиска термина, который бы лучше раскрывал как единство, так и разнообразие взаимодействий языка и социальности в современную нам эпоху. В ходе рассмотрения мы выяснили, что «текст» – слишком общее понятие, при помощи которого может обозначаться все что угодно (вспомним лозунг пан-лингвистической установки: «Все есть текст»). Термин «нарратив» также не является достаточно адекватным задаче описания языка как социальной формы. Нарратив, безусловно, социален. У любого нарратива есть своя социальная база. Однако из разнообразия «жанров» нарратива, из его иносказательных, аллегорических форм эту базу очень сложно эксплицировать. Кроме того, в современной философии термин «нарратив» имеет скорее негативные коннотации.

Как нам кажется, сегодня социально-культурное измерение языка наиболее полно и адекватно отражает термин «дискурс». Появившись сравнительно недавно, этот термин еще не обладает жестко закрепленным смыслом, он многозначен. Слово «дискурс» частоупотребительно: оно используется в науке, философии, культурных практиках. В работе мы приводим ряд определений «дискурса», ориентируясь, в основном, на определения, данные представителями французской школы анализа дискурса, которые делают акцент именно на социальном аспекте дискурса

¹ См. Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или как возникло социальное. // Конструирование социального. Европа. V-XVI вв. / Сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. – М., Эдиториал УРСС, 2001. – 184 с. С. 135-159.

как языковой (культурной) формы. Для нас важен ряд моментов. Во-первых, дискурс, безусловно, языковая форма (мы скажем – форма индивидуализации языка как такового). Во-вторых, дискурс связан с социальным через социально-культурный контекст, который практически входит в его содержание. В-третьих, дискурс отражает систему ограничений, которую социальная форма накладывает на формирование, функционирование, распространение и другие операции с текстом (скажем шире – с языком). Таким образом, понятие дискурс актуально тогда, когда исследователь хочет указать не только на сам текст, его структуру, содержание и т.д., но и на те конкретно-исторические, социальные условия, явно или неявно повлиявшие на создание этого текста.

В рамках данного исследования дискурс определен как специфический способ индивидуализации языка, конкретно-историческая форма оязыковленной мысли о социальном как системе различий и конституирование социального с помощью языка. Именно дискурс может выступать как отражение индивидуального (в данном случае имеется в виду индивид), социального и общественного измерения языка. Для нас важно то, что дискурс, будучи конкретизацией языка, сам может представлять в крайне индивидуализированной форме (например, «дискурс Фуко», «дискурс Деррида», даже «дискурс Маркса»).

Немаловажно, что появившись, термин «дискурс» способствовал переопределению, уточнению сопредельных ему понятий (в частности, «текст» и «нарратив»). Описанию процесса «переопределения» посвящена часть данного параграфа. «Текст», «нарратив» – понятия, которые можно отнести с классической и не-классической рациональностью, «дискурс» же становится тем концептом, который позволяет анализировать язык и его социальные проявления в условиях пост-не-классической философии. Мы приводим ряд примеров того, как дискурсивные практики могут влиять на развитие социальности: «украденное слово» в рекламном дискурсе; войну как проблему дискурса; дискурсивность как способ выстраивания, собирания языка социальной группы, самоопределения членов этой социальной группы; а также «герметичный дискурс» как форму сохранения сокрытости, сферы невыговариваемого в современном обществе (например, дискурс, условно названный нами «военная тайна»). «Герметичный дискурс» также является специфической формой работы современных философов: постмодернисты создают «герметичные дискурсы», индивидуализированные формы мысли, предназначенные для решения конкретных проблем, но отдельные термины, концепты из этих дискурсов попадают в общее «тело» философии и используются для построения новых форм мысли, новых концепций. Этот процесс тоже может быть назван проективным, и происходит он также в пространстве языка.

В пятом параграфе, «Маргинальный дискурс Деррида» – движение от герметизма к открытому проектированию новой социальности», мы рассматриваем, на первый взгляд, крайне индивидуализированный и герметичный дискурс Ж. Деррида. Философ в рамках этого дискурса

выступает даже не как личность, но как «концептуальный персонаж» (термин, введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари), почти как художественный герой. В процессе рассмотрения оказывается, что из этого дискурса можно выйти в общефилософскую проблематику – и это процесс проективный.

В своем последнем интервью Ж. Деррида говорил о том, что любой текст, а особенно текст философский, нуждается в грамотном читателе (который и сам может стать писателем), о проблеме наследия, о проблеме при-своения языка. М.Н. Эпштейн отмечал, что проективность языка все меньше является коллективной формой построения языка и социальных форм, она все более индивидуализируется (и дискурс Деррида – наглядное подтверждение этого тезиса). Однако даже в рамках индивидуализированной, практически личностной формы языка проективность работает как всеобщая, общественная форма, как выражение всеобщего.

Мы приходим к выводу, что герметичность дискурсивных форм относительна. Относительность герметичности выражается в концепте «маргинальный дискурс». Маргинальность дискурса свидетельствует о том, что он – живое, дышащее явление, его закрытость условна. В современной философии дискурсы выстраиваются одновременно как герметичные и как маргинальные. «Герметичные» по терминологии и проблематике, дискурсы маргинальны именно за счет того, что они изначально создавались «на стыке», на границе, в «пространстве между».

Наше исследование также строится в «пространстве между». Мы рассуждаем о понятиях и концептах, являющихся абстракциями, «снятыми» с реальных процессов, происходящих в индивидуальном, социальном и общественном измерениях. Мы «конструируем» их, гипертрофируя определенные стороны реальности и делая их предметом специального рассмотрения. В чистом виде в реальности они не существуют. Живой феномен представляет собой всегда «бытие между», путь от живой практики к оформленности ее в теории. Но путь этот, думается, завершен быть не может, он представляет собой бесконечное приближение: теоретическая форма и «живая жизнь» не могут совпасть, но их взаимодействие продуктивно и проективно.

Дискурс Деррида и герметичен, и маргинален, но в то же время он не самозамкнут, он полон жизни. Деррида – очень симптоматичная фигура в современной философии. Во-первых, самой своей философской деятельностью он осуществляет синтез различных эпох в развитии философии, ведь главный принцип мыслителя может быть выражен следующим утверждением: «Необходимо дать голос каждой эпохе». Деррида удается сделать то, что не могли сделать философы Нового времени (в силу специфики исторических условий) – помыслить любую эпоху двояко: с точки зрения современной позиции, а также дать ей голос, дать ей возможность высказаться, причем на том языке, который был присущ ей изначально (по крайней мере, попытаться).

Деррида, ищущий наследника и размышляющий о судьбе своего письма, оставленного сиротой, дал материал для развертывания наших рассуждений об отчуждении языка и об отчуждении в языке. В рассмотрении феномена отчуждения мы опирались на классические интерпретации отчуждения в немецкой классической философии и философии К. Маркса, а также провели своеобразный мысленный эксперимент, попытавшись осуществить социально-философский анализ феномена отчуждения в языке. С опорой на введенный А.А. Потебней термин «оязыковление» и категориальную пару «опредмечивание/распредмечивание» мы предложили термин «разъязыковление». Категориальная пара «оязыковление/разъязыковление» позволяет рассматривать язык как общественное явление, включенное в логику общественных отношений. Интерпретация проблемы в таком ключе позволяет рассмотреть отчуждение в языке как более мягкое, нежели другие виды отчуждения. Ведь в процессе коммуникации человек предполагает (или догадывается), что слово, высказанное в конкретной ситуации как глубоко личностное, тем не менее человеку не принадлежит, что оно всегда общественно, всегда направлено вовне, к другому человеку и что в конечном счете не может быть и до конца присвоено.

Например, Ж. Деррида, сознательно позиционируя себя как еврея, родившегося в Алжире и переехавшего во Францию, осознает, что французский язык изначально не принадлежит ему, что язык «взят им взаймы» и что к языку нужно относиться не потребительски, а уважительно. В этом плане мысли Деррида чрезвычайно созвучны с идеями, высказанными М.Н. Эпштейном. Эпштейн пишет, что мы должны относиться к языку проективно, давать ему возможность развиваться, что человек должен отдавать языку долг через реализацию его проективных способностей.

Для Деррида подобной выплатой долга языку и культуре в целом стал проект деконструкции. Деконструкция, как говорит Деррида, всегда на стороне жизнеутверждения. Сам дискурс Деррида – яркий пример «сотрудничества» философа с языком в создании новой (другой) культурной и социальной формы. Таким образом, в индивидуализированном дискурсе отражаются современные социальные процессы, процессы, происходящие в современной культуре, и, что самое главное для нас – зарождаются новые.

Таким образом, в работе последовательно осуществляется приближение к феномену языка, к феномену проективности, к феномену социального. Сначала они выступают как пустые формы, а затем наполняются содержательно, раскрываются во взаимодействии, в диалектическом единстве с другими феноменами. Язык, социальное и проективность соединяются. Проводится рассмотрение проективных форм языка на примере различных форм: индивидуальных и социальных. Рассмотрение проективности языка как атрибутивного свойства языка, а также выход в «пространство между» индивидуальным и социальным позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что проективность может быть рассмотрена и как универсальная, всеобщая характеристика языка.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, определяются направления дальнейших исследований по данной проблеме.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1) Лазарева М.Ю. Проблема текста в философии: попытка анализа постмодернистской традиции. // Сборник тезисов Итоговой конференции Республиканского конкурса научных работ среди студентов и аспирантов на соискание премии имени Н.И. Лобачевского (1-2 марта 2002 года, г. Казань). Т.1. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2002. – С. 208-210.
- 2) Лазарева М.Ю. Человеческое измерение слова, текста, литературы и иже с ними. // Научные исследования студентов экономического факультета. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 51-53.
- 3) Лазарева М.Ю. Приватные мысли о публичности приватного. // Сборник тезисов Всероссийской научной конференции «Перспективы развития современного общества», г. Казань, 20-21 ноября 2003 года. Казань: Издательство Казанского государственного технологического университета, 2004. – С. 46-51.
- 4) Лазарева М.Ю. Еще раз о лингвистическом повороте. // Сборник тезисов XI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2004». – М.: Издательство МГУ, 2004. – С. 429-431.
- 5) Лазарева М.Ю. Еще раз о лингвистическом повороте. // Сборник тезисов итоговой научной студенческой конференции 2004 г. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 107-108.
- 6) Лазарева М.Ю. Сериализация как образ жизни современного человека и современной культуры. // Новая экономика и хозяйственная система России: проблема трансформации в условиях глобализации. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 199-201.
- 7) Лазарева М.Ю. Проявление социальной природы языка в движении «текст – нарратив – дискурс». // Сборник статей молодых ученых «Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса)». – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 94-108.

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

Лазарева М.Ю. Язык как «круг» социальности» // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. – Гуманитарные науки – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 139-145.

Подписано в печать
Заказ Усл. печ. л. Тираж
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Казанского государственного университета им. В.И.
Ульянова-Ленина
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, .